

Кассандра вещает вновь

Harold James

The Creation and Destruction of Value

The Globalization Cycle

Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts and London, 2009, 484 pp., \$35 (cloth).

Харолд Джеймс — Кассандра глобального капитализма.

В своей книге «Конец глобализации», вышедшей в 2001 году, он подробно рассказывает, как и почему каждая историческая попытка глобализации торговли и финансов с XVI до XX века в конечном счете заканчивалась неудачей. Глобализация повышала благосостояние мира, но многие группы страдали или оказывались под угрозой из-за нее, а для тех, кто выигрывал, отрицательные последствия были чрезмерными. Очевидный вывод состоял в том, что великая глобализация 1980-х и 1990-х годов также обречена на крах.

Как и Кассандра, известная нам по творчеству Эсхилла, Джеймс был прав, — и оказался проигнорированным. Во время взрывообразного роста финансовых потоков в 1990-е годы и первые годы нового тысячелетия выгоды от этого роста разделялись не так широко, как могли бы, и возникали и усиливались резкие диспропорции в доходах. Из-за крайне неадекватного регулирования крупных финансовых организаций масштабы принятия риска вышли из-под контроля без какой-либо своевременной или эффективной ответной реакции. Оказавшееся на уровне правительств сопротивление тому, чтобы допустить какую-либо связь между расширением торговли и финансов и защитой трудовых стандартов или окружающей среды, или же тому, чтобы ускорить эффективное открытие рынков промышленно развитых стран для импорта из бедных стран, вызывало яростную ответную реакцию против глобализации. Тем не менее, силы прогресса продолжали действовать неустанно. Что могло остановить ничем не стесненные глобальные финансы от продолжающегося расширения? Ваш покорный слуга-рецензент был не единственным, кто заключил, что современная «международная финансовая архитектура... оказалась способной адаптироваться к резким и зачастую быстрым изменениям в глобальной экономике» (Boughton, 2002). В свете финансового обвала 2007–2008 годов

и экономического краха 2008–2009 годов оптимизм представляется менее убедительным.

В этой новой книге Джеймс не стремится похвастаться своим предвидением. Его амбиции куда шире: взять концепцию Йозефа Шумпетера о «созидательном разрушении» — основной движущей силе капитализма — и вывернуть ее наизнанку, чтобы объяснить, почему глобализация всегда терпит неудачу. Вывод Шумпетера состоял в том, что экономический прогресс происходит благодаря «индустриальной мутации... которая непрерывно революционизирует структуру экономики *изнутри*, непрерывно уничтожая старую и непрерывно создавая новую» (Schumpeter, 1950 — выделено, как в оригинале). Вывод Джеймса — созидательное разрушение подрывает те самые ценности, от которых зависит прогресс. Инновации и рост зависят от финансирования, которое неизбежно и периодически «взрывается», что приводит к финансовому кризису и экономическому краху. В это время «банки, фирмы и даже люди больше не доверяют друг другу... так как монетарные и идеальные ценности поколеблены».

Джеймс разрабатывает эту тему в шести небольших главах. Во-первых, он кратко излагает исторические аргументы, проработанные им более подробно в более ранней книге, отнесенной к постоянному «циклу глобализации», который в последнее время проявился в крахе двух последних лет. Во-вторых, он утверждает, что наша «Великая рецессия» имеет общие черты с Великой депрессией 1930-х годов, но ее корни больше напоминают 1931 год (глобальная цепная реакция), чем 1929 год (иррациональные финансовые рынки). В-третьих, он подробнейшим образом рассказывает о том, как началась эта рецессия, заостряя внимание на двух «уикендах, которые вошли в историю» в 2008 году: спасение Bear Stearns в марте и решение не спасать Lehman Brothers в сентябре. Последнее решение имело цель продемонстрировать, что экстренная помощь — неизбежное явление. Результатом было полное уничтожение уверенности в финансовой стабильности и доверия к финансовым организациям и рынкам.

В четвертой главе Джеймс обращается к решению и приходит к противоречивому выводу о том, что изменение регулирования финансов не является выходом из положения. Хотя «традиционная ответная реакция на финансовые нарушения — это потребность в большем регулировании, ... лучшие решения... всегда парадоксальным образом заключались в дальнейших технических изменениях». В частности, он верит в «прозрачность и распространение финансовых знаний», которые позволят нам быть хозяевами, а не рабами глобальных финансов.

В равной мере противоречива глава 5, где утверждается, среди прочего, что атака на доллар США, которую, по всей вероятности, рано или поздно предпримет Китай, «не является столь отдаленной перспективой, как это может показаться». Хотя преобладающая точка зрения, бытующая среди макроэкономистов, состоит в том, что Китай, как и весь мир, заинтересован в стабильном долларе и стабильной системе, Джеймс напоминает нам, что благоприятные экономические сценарии не всегда определяют ход истории.

Прекрасная эрудиция Джеймса и его опыт как ведущего историка финансов своего поколения наиболее четко проявляются в заключительной главе «Неопределенность ценностей», где он приводит убедительные аргументы о связи между уничтожением монетарных ценностей и подрывом идеалов, веры и доверия. «Действительно, крах корпоративной этики разрушил модель финансовой глобализации».

О чем же предостерегает нас Кассандра на этот раз? Чтобы начать сначала, мы должны, прежде всего, восстановить доверие и отыскать «сообщества добродетели». Найти их будет нелегко, и на это уйдет время, а когда мы достигнем успеха в этом, награда будет только в том, чтобы еще раз возобновить цикл глобализации.

Джеймс Ботон,
историк МВФ

Литература:

Boughton, James M., 2002, "Review" of James (2001), *The International History Review*, Vol. 24, No. 4, pp. 923–25.

James, Harold, 2001, *The End of Globalization: Lessons from the Great Depression* (Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press).

Schumpeter, Joseph A., 1950, *Capitalism, Socialism, and Democracy* (New York: Harper, 3rd ed.).

Уже не страны «с развитой экономикой»

Carmen M. Reinhart
and Kenneth S. Rogoff

This Time Is Different

Eight Centuries of Financial Folly

Princeton University Press,
Princeton and Oxford, 2009,
463 pp., \$35 (cloth).

В 2005 году в докладе Банка международных расчетов сухо отмечалось: «Растущий внутренний и международный долг создал условия для глобального экономического и финансового кризисов». Годом позже Энн Петтифор предсказывала в своей работе «Предстоящий первый мировой долговой кризис» (*The Coming First World Debt Crisis*), что «страны так называемого «первого мира» будут обременены столь же высокими уровнями долга, которые вызывали такой хаос в странах так называемого «третьего мира» с 1980-х годов».

В океане иррационального изобилия, забвения истории и широко распространенной жадности эти и многие другие одинокие голоса были правы — о чем мир узнал, заплатив за это высокую цену.

В течение большей части прошлого десятилетия Кармен Рейнхарт и Кеннет Рогофф занимались изучением суверенных дефолтов. Они собрали чрезвычайно большое количество данных, охватывающих восемь десятилетий и относящихся к банковским кризисам, дефолтам по внутреннему и внешнему долгу, крахам валютных курсов и инфляции в 66 странах. Рейнхарт и Рогофф представляют отрезвляющее напоминание о том, что финансовые кризисы — периодическое явление, вызываемое в немалой степени соблазнительным синдромом «теперь все по-другому» — распространенным представлением о том, что для нас, здесь и сейчас старые законы экономической динамики уже не действуют. В представленной ими грандиозной количественной истории финансовых кризисов проводятся широкие параллели между финансовыми кризисами по различным временам и континентам; а также между инфляцией внутреннего долга, снижением стоимости валюты и дефолтами по внешнему долгу. Эти дефолты редко представляют собой бинарное явление: широко распространены частичные и продолжительные дефолты. Даже несмотря

на то, что инструменты могли измениться, правительства редко погашают свои долговые обязательства полностью. Большинство «крупных сокращений внешнего долга среди стран с формирующимся рынком достигались путем реструктуризации или дефолта».

Создав типологию финансовых кризисов, авторы обращают свое внимание к кризисам суверенного внешнего долга. Они разъясняют базовую экономическую теорию суверенного долга и выделяют черты, которые отличают суверенный долг от корпоративного. Говорится, что дипломатия с позиции силы не выдерживает тест эффективности затрат. Но нигде не упоминается о том, что в рамках международного права меры принудительного взыскания также являются незаконными.

Рейнхарт и Рогофф определяют внешний долг как «совокупные обязательства страны перед иностранными кредиторами». Внешним долгом называются «все долговые обязательства правительства, которые принимаются в рамках национальной юрисдикции и подчиняются ей, независимо от национальности кредитора и номинала валюты долга». Согласно этим определениям, суверенная облигация, выпущенная внутри страны и представляющая собой обязательство перед иностранным кредитором, будет считаться как внешним, так и внутренним долгом. Это пересечение иллюстрирует все более зыбкую границу между внешним и внутренним долгом и необходимость в большей четкости определений.

Затем Рейнхарт и Рогофф проливают свет на забытую историю внутреннего долга. Особенно интересны выводы о том, что сдвиг в сторону краткосрочного долга в настоящее время является продуктом «инфляционной усталости» 1970х- и 1980-х годов; внутренние дефолты обычно происходят лишь в более тяжелых макроэкономических условиях, чем внешние дефолты; и страны, имеющие достаточные внутренние сбережения, могут использовать внутренний долг вместо внешнего заимствования. Авторы подчеркивают, что инфляция является одной из форм дефолта по внутреннему долгу де-факто, особенно если эта инфляция сочетается с мерами финансового давления. Они объясняют, почему высокие уровни внутреннего долга могут привести к дефолту при казалось бы экономически приемлемых уровнях внешнего долга.

Они развенчивают широко распространенное представление о том, что экономический рост позволяет странам избежать высоких уровней долга. Для успешного прекращения систематических дефолтов требуется много времени, и доля свернувших с этого пути высока. Банковские кризисы, «угроза равных возможностей» для развивающихся стран и стран с развитой экономикой, происходят с поразительной частотой, особенно в мировых финансовых центрах. А процент повторов даже еще выше. Центральный вывод заключается в том, что современные банковские кризисы увеличивают реальный государственный долг в среднем на 86 процентов — в основном косвенно, в результате сокращения производства и снижения налоговых доходов, — что обычно на порядок превышает стоимостной объем экстренной помощи. «Действительное наследие банковских кризисов — это увеличение государственной задолженности, что было «одной из определяющих характеристик периодов после банковских кризисов на протяжении больше чем целого столетия».

Авторы ставят под сомнение безобидность роста долга США в период перед текущим глобальным экономическим кризисом. Они отмечают, что в 2004–2005 годы США «поглощали более двух из каждых трех» долларов, сберегаемых всеми странами мира, имеющими профицит. История повторилась. И вновь победу одержало представление о том, что США отличались от остального мира: правительству, потребителям и корпорациям этой страны были предоставлены неограниченные возможности заимствовать без ограничений — так, как будто час расплаты никогда не настанет.

Рейнхарт и Рогофф собирают данные, которые указывают на сближающиеся характеристики финансовых кризисов в развивающихся странах и странах с развитой экономикой. Но они отвергают как «преувеличение» логический вывод о том, что страны с развитой экономикой скоро будут неотличимы в финансовом отношении от развивающихся стран. По их мнению, США, остаются «высокоразвитым глобальным финансовым центром». В прошлом году Саймон Джонсон убедительно утверждал в журнале *The Atlantic Monthly*, что США опасны близки к стране с формирующимся рынком. Старая классификация, разделяющая страны на страны с развитой экономикой и страны с формирующимся рынком, вряд ли переживет нынешний кризис.

Майкл Уэйбел,
кандидат наук, научный сотрудник
Центра международного права
им. Лаутерпахта,
Кембриджский университет

Чрезвычайные меры в отношении крайней бедности

R. Glenn Hubbard and
William Duggan

The Aid Trap

Hard Truths about Ending Poverty

Columbia University Press, New York, 2009, 198 pp., \$22.95 (cloth).

В книге «Ловушка помощи» (The Aid Trap) авторы Р. Гленн Хаббард и Уильям Дагган из бизнес-школы Колумбийского университета выдвигают радикальное решение задачи ликвидации крайней нищеты. Авторы считают, что бедные остаются бедными по вине существующих систем помощи на цели развития и некоммерческого сектора в странах с формирующимся рынком и что единственным экономически приемлемым средством искоренения крайней нищеты является процветающий коммерческий сектор.

Традиционно считается, что помощь развивающимся странам принимает одну из двух форм: «сверху вниз» и «снизу вверх». Авторы «Ловушки помощи» находят недостатки у обоих подходов. Помощь «сверху вниз» часто предоставляется правительствам и перенаправляется на другие цели коррумпированными лидерами и бюрократами.

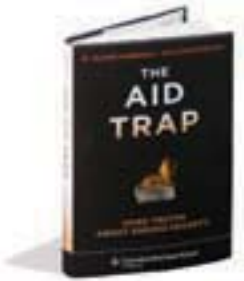
Помощь «снизу вверх» вытесняет рыночные фирмы, предоставляя бесплатные, но ненадежные услуги, которые создают зависимость. Авторы упоминают Цели развития Декларации тысячелетия и связанные с ними «проекты развития деревень» как популярное в настоящее время, но в конечном счете обреченное на неудачу увлечение распределением помощи по принципу «снизу вверх».

Авторы высоко оценивают способствующий развитию бизнеса и исключительно популярный бум микрокредитования; однако даже микрокредиты, считают они, имеют ограничения. Микрофирмы, как правило, остаются микроскопическими, нередко из-за того, что их рост сдерживается правительствами, которые опасаются, что экономические успехи, достигнутые благодаря коммерческому сектору, приведут к прекращению иностранной помощи.

Хаббард и Дагган предлагают альтернативный подход, основанный на Плане Маршалла, который успешно возродил разрушенный коммерческий сектор в Западной Европе после Второй мировой войны. Предложенный Хаббардом и Дагганом современный План Маршалла для развивающихся стран предусматривает предоставление кредитов фирмам в странах, правительства которых согласны реформировать полити-

ку, притесняющую бизнес. Эти кредиты будут выплачиваться местным органам управления, которые будут реинвестировать их в инфраструктуру, что окажет дополнительную поддержку развитию бизнеса. Рост коммерческого сектора принесет налоги на доходы, необходимые для финансирования важнейших социальных услуг, таких как здравоохранение и образование.

Авторы по праву называют свой план «сильнодействующим средством» как для развивающихся, так и для богатых стран. Развивающимся странам придется согласиться с этим предложением или отказаться от какой бы то ни было поддержки, за исключением базовой гуманитарной помощи. Богатым странам придется принять меры политики, поддерживающие свободную и справедливую торговлю, что может привести, например, к отмене субсидий для некоторых фермеров США, производящих избыточную продукцию, которая направляется в бедные страны в качестве продовольственной помощи.

В краткосрочном плане местным фирмам отдается предпочтение по сравнению с более сильными иностранными фирмами. Однако в конечном счете в бедных странах сформируется процветающий коммерческий сектор, что позволит когда-то более сильным иностранным фирмам вернуться на свои рынки.

Теоретически этот план работает. Но вот в чем загвоздка: ни один план, который требует хотя бы и краткосрочных, но широкомасштабных жертв как от богатых, так и от бедных стран, скорее всего, никогда не будет реализован на практике в чистом виде.

Авторы начинают книгу с описания текущего мирового экономического кризиса как примера того, что коммерческий сектор способен восстановить экономическую стабильность. «Мы видим, что преуспевающие страны во всем мире сходятся во мнении о том, что источником их благополучия является процветающий коммерческий сектор. Они знают, что их отечественные фирмы — единственная надежда на то, чтобы иметь достаточное количество хорошо оплачиваемых рабочих мест

для большинства населения в будущем. Эти страны предпринимают широкомасштабные государственные меры не для того, чтобы заменить коммерческий сектор, а с целью его оживления».

Проблема со ссылкой на недавние события в глобальной экономике в качестве доказательства того, что бизнес может ликвидировать бедность, заключается в непризнании того факта, что коммерческий сектор также вызвал текущий экономический кризис, который привел к уничтожению миллионов рабочих мест во всем мире.

Нет, бизнес — не панацея. Равно как и проекты развития деревень «снизу вверх». Разумеется, помощь «сверху вниз», которая оседает в карманах немногих, вместо того чтобы создавать возможности для широких масс, — не решение проблемы.

В конечном счете решение является таким же сложным, как и общество и само человечество. Конец крайней нищеты наступит тогда, когда большое число отдельных граждан во всем мире, которые стремятся и требуют закончить с негуманностью крайней нищеты, достигнут пресловутого переломного момента. Тогда и только тогда меры в отношении крайней нищеты будут приниматься на широкой основе и с использованием многостороннего подхода, который соответствует специфическим потребностям отдельных развивающихся стран, деревень и даже семей.

Ни один грандиозный план не позволит ликвидировать бедность. Это будет происходить неравномерно, скачками и урывками в течение достаточно долгого времени. Он будет напоминать отдельные части Плана Маршалла, Целей развития декларации тысячелетия и помощи «сверху вниз» и «снизу вверх», и все эти части будут вносить важный вклад в решение проблемы: политика, благоприятствующая бизнесу, всеобщий доступ к образованию и здравоохранению, массовое распределение гуманитарной помощи и предотвращение и лечение свирепствующих болезней, а также микропредприятия, которые смогут беспрепятственно расти и расширяться на открытом, благоприятном для бизнеса рынке.

И все же я восхищаюсь смелостью Хаббарда и Даггана. Они осмеливаются взглянуть на серьезнейшую проблему общества — крайнюю нищету — и создать реальную модель для перемен. Это — громадный вклад в решение проблемы.

Венди Смит,

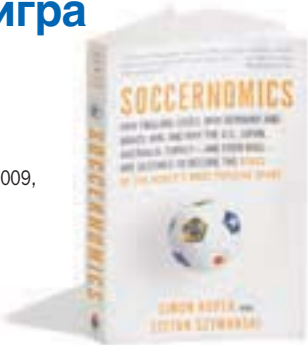
Автор книги "Give a Little: How Your Small Donations Can Transform Our World"

Честная игра

Simon Kuper and
Stefan Szymanski

Soccernomics

Nation Books, New York, 2009,
336 pp., \$14.95 (paper).

Готовитесь ли вы к Чемпионату мира по футболу, который состоится в Южной Африке этим летом? Знаете ли вы, что доход страны, ее численность населения и футбольный опыт являются основными детерминантами успешного прохождения командой первого раунда Кубка мира? Не спешите проверять, какое положение занимает ваша любимая национальная команда. Эти три фактора объясняют лишь 25 процентов дисперсии различий в числе забитых голов; остающиеся 75 процентов представляют собой не поддающийся объяснению случайный «шум» или чистую удачу — и все это благодаря возможностям эконометрики.

Этот и многие другие удивительные факты из области футбола обсуждаются в книге «Футболономика» (*Soccernomics*), написанной журналистом из *Financial Times* Саймоном Купером и одним из ведущих специалистов по экономике спорта Стефаном Зимански. В своей очень хорошо написанной и занимательной книге о самом популярном виде спорта в мире они переплетают экономический анализ с историями, рассказанными отдельными игроками, менеджерами и командами из различных стран мира. Было бы куда интереснее, если бы в базовом университетском курсе экономики теория игр изучалась по числу штрафных ударов, а регрессионный анализ — на примерах из области футбола.

Что общего между крупными финансовыми организациями, такими как Lehman Brothers, и футбольными клубами, и чем они отличаются? И те, и другие подвержены моральному риску (рискованное поведение не штрафуются), так как им обычно предоставляют экстренную помощь. К сожалению, это бывает не всегда — как недавно показал пример Lehman Brothers, — но, что удивительно, футбольные клубы редко исчезают. Да, некоторые клубы могут обанкротиться (например, «Фиорентина», «Лидс Юнатийед»), но, согласно Куперу и Зимански, футбольные клубы относятся к числу наиболее стабильных из всех существующих компаний. Даже те немногие, кото-

рые не получают экстренную финансовую помощь, часто возвращаются под новым названием, с новыми деньгами и теми же болельщиками и вновь быстро продвигаются вверх по рангам в высшую лигу (например, «Фиорентина»). Хотя банки получают огромные прибыли в хорошие времена, футбольные клубы в общем случае неприбыльны. Авторы не выявляют связи между позицией в

лиге и прибылью. И все же интересно, что зарплата футболистов почти полностью объясняет дисперсию позиций в английской премьер-лиге. Но в следующий раз, когда ваша любимая английская команда объявит о многомиллионной «трансфертной сделке года», не слишком радуйтесь: впечатляющие трансферты не обязательно взаимосвязаны с позицией, которую данная команда занимает в лиге впоследствии.

Мы также узнаем, что проведение Кубка мира или Кубка Европы сокращает число самоубийств в европейских странах, что Норвегия, очевидно, является самым большим энтузиастом футбола в Европе, что Ирак входит в число стран, имеющих самые лучшие результаты в мировом футболе, и что 50 процентов англичан, купивших билеты, не приходят смотреть матчи в следующем сезоне. В то время как клиенты банка обычно остаются верны своему банку, кроме случаев, когда на банк совершается атака, футбольные болельщики, по-видимому, не очень лояльны. Кроме того, проведение крупных спортивных турниров не приносит никакой прибыли или больших экономических выгод, но делает людей более счастливыми — вывод, сделанный влиятельной наукой — экономикой счастья. Поэтому даже несмотря на то, что Южная Африка, скорее всего, останется в убытке в результате предстоящего Кубка мира, этой осенью она может стать более счастливой страной — не говоря уже обо всех остальных участвующих странах Африки, которые могут испытать чувства расширившихся возможностей, гордости и счастья благодаря тому, что Кубок мира проводится в Южной Африке.

В чем состоят отдельные недостатки этой книги? Эмпирические данные по временам уделяют слишком много внимания Англии. Большинство экономистов по своей природе скептики (возможно, за исключением случаев, когда дело касалось рациональных ожиданий или эффективных рынков), поэтому больший объем данных по другим странам, несомненно, помог бы обобщить некоторые выводы. Кроме

того, объяснение причин того, что бедные страны добиваются меньших успехов в спорте — плохое питание, подверженность заболеваниям, отсутствие связей и организационные проблемы, — в целом является убедительным. Но оно не позволяет объяснить, почему страны Африки показывают столь

Проведение крупных спортивных турниров не приносит никакой прибыли или больших экономических выгод, но делает людей более счастливыми.

высокие результаты в юношеских (до 17 лет) и молодежных (до 20 лет) чемпионатах мира по футболу, проводимых ФИФА. Нигерия имеет самую успешную, помимо Бразилии, юношескую команду, завоевавшую три титула чемпиона, а нынешний чемпион мира в молодежном турнире — Гана.

Один из вопросов к сторонникам глобализации: когда же такие страны, как Индия и Китай, отличатся в мире футбола? Бразилия, одна из их соратниц по группе так называемых стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай), имеет лучшую национальную футбольную команду в мире; другая страна, Россия, два года назад вышла в полуфинал Европейского кубка.

Наконец, одно предостережение любому футбольному менеджеру, располагающему большими средствами, — «не покупайте звезд» Чемпионата мира в Южной Африке. Цены на них обычно завышены. Однако игроки, которым двадцать лет с небольшим, и игроки, чьи личные проблемы вы можете разрешить, обычно недооцениваются.

«Футболономику» настоятельно рекомендуется прочесть не только футбольным болельщикам, но и всем, кому интересно, как инструментальный экономической науки может применяться к чудесному миру футбола.

Хейко Хессе,
экономист МВФ, бывший
профессиональный
футболист, игравший за команду
«Боруссия Дортмунд»
и снявшийся в немецких
документальных фильмах
Die Champions и готовящемся
к выходу *HalbZeit*